

Анна Швейда
Ф. Достоевский и Ф. Сологуб:
К вопросу о «Золотом веке»

Наиболее отчетливо эстетико-философская полемика Сологуба с Достоевским представлена в их репрезентации мотива «золотого века» (т. е. архетипического образа идеальной общественной организации и связанной с этим идеей вечной жизни и бессмертия души). В последнем романе Сологуба «Творимая легенда» критически обыгранный, этот мотив проходит рефреном через всю трилогию. Сологуб пытается переосмыслить экзистенциальную концепцию свободы Достоевского. Понятие свободы Достоевский связывает с христианской идеей всеединства¹, Сологуб же «реновирует» темы Достоевского и освобождает их от элемента христианской религиозности, в то же время предлагая свою трактовку «золотого века» на основе эстетически переработанных философских идей А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Н. Минского (творчество Сологуба в большой степени философично).

Композиция семьдесят девятой главы романа почти калькирует фабульную форму рассказа Достоевского «Сон смешного человека», который Бахтин считал идеологической квинтэссенцией творчества писателя, — тема «золотого века» представлена там, так сказать, в чистом виде. Сологуб заостряет внимание на конфликтной задаче схожего композиционного решения, причем следует учесть, что мифологема «золотого века» была одним из главных источников его символической системы. Основное отличие сологубовского сюжета состоит в том, что идея вечной жизни в нем отсутствует. Триродов во сне (так же, как и герой рассказа Достоевского) переносится на ска-

© Anna Shveida, 2011

© TSQ 36. Spring 2011 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Учение о всеединстве признает существование универсальной, абсолютной истины, трансцендентного идеала, по отношению к которому личность выступает как частность и к свободе может прийти только путем единения с такими же частностями и в пределе с последним, высшим звеном этого процесса — божественным Абсолютом. В этом, по В. Соловьеву, и состоит суть исторического хода, а венцом его должен стать конец истории и образование уже другого, внеисторического времени, или, используя понятие достоевсковедения, «золотого века».

зочную планету, где «все созвучно и стройно», «нет кумиров, власти и норм». Он живет там среди ангелоподобных человеческих существ до тех пор, пока не наступает его естественный конец: «прожили с ними свой век, не долгий и не короткий. Только там почувствовали, как прекрасен человек»² (ср. также слова Триродова в другом месте романа: «Нет чуда. Не было воскресения. Никто не победил смерти»³).

Сологуб рано испытал на себе влияние Ницше (еще раньше Шопенгауэра). Философия жизни главных героев трилогии (Георгия Триродова и королевы Ортруды) отражает два этапа поэтического мировоззрения писателя.

Триродов — иррационалист, он синтезирует в себе идеи эстетического созерцания и пессимистического волюнтаризма Шопенгауэра⁴. Трагизм человеческой жизни он связывает с невозможностью рационального постижения ее противоречий и осознанием смертности, вечного уничтожения жизни (Триродов завидует детям, потому что они не знают страха смерти и «безотрадных постижений разума»: «Живы дети, только дети. Зрелость — это уже начало смерти»; в другом месте о детях он говорит, что «уж больно мрут они на этой проклятой земле. Рождаются, чтобы умереть»⁵).

Психологические характеристики Триродова и «смешного человека» Достоевского обнаруживают много общего: «Смешной человек» продолжает линию «подпольных» героев Достоевского — Кириллова, Ставрогина, Ивана Карамазова и др. Жертва позитивного знания, такой герой не может найти воплощения своим моральным требованиям, что приводит его к душевному распаду и мысли о самоубийстве. Герой Сологуба пребывает в таком же состоянии. О Триродове известно, что он живет во внеисторическом пространстве своих фантастических иллюзий, в уединении наслаждается видениями воображения, уходит от деятельной жизни, внешняя

² Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн. 2. М.: Худ. литература, 1991. С. 27.

³ Сологуб Ф. Капли крови: избранная проза. М.: Центурион: Интерпакс, 1992. <http://lib.ru/RUSSLIT/SOLOGUB/kapli.txt>

⁴ Воля, по Шопенгауэру, — бессознательная, метафизическая сила, источник всякой жизненной активности; абсолютное, «безосновное» начало всех вещей. В человеке (который является высшей степенью объективации воли) воля противостоит сама себе. Способный осмысливать свои волевые стремления, часто противоречащие этическим принципам разума, человек осознает трагичность своего существования. Сознательное подавление в себе волевых инстинктов Шопенгауэр называет единственно достойным выбором для человека. Искусство, этический аскетизм и философствование — способы достойной (= «созерцательной», «иллюзорной») жизни, свободной от бесконечного желания, хотения, страдания, страха.

⁵ Сологуб Ф. Капли крови: избранная проза [Интернет-ресурс].

реальность представляется ему тягостной мукой, безумным, мучительным сном, чему свидетельством его высказывания: «ничего не хочу, ничего не жду от жизни», «живу, а жизнь проходит мимо», «много труда, мало отрады», «приходит старость, тоска томит, и пу-стая, бесцельная влачится жизнь к каким-то неведомым пределам»⁶. Так же как и герой Достоевского, Триродов живет с мыслью, что на свете «везде все равно», до него ничего не было и после него ничего не будет; он перестает замечать людей («я чувствую, что люди мне мешают»). Сонное видение «золотого века» — это *сознательная* мечта Триродова (с помощью волшебного напитка он вызывает явление сна). Триродов (так же и «смешной человек» Достоевского) как бы экзистенциально существует в реальности своего сознания⁷.

Королева Ортруда (сюжетный двойник Триродова), героиня одноименной второй части трилогии, в противоположность Триродову, который ищет «тихой гавани» (Шопенгауэр), скрываясь от действительности в области иллюзий, утверждает для себя примат воли над разумом (в случае с Триродовым происходит обратное), культивирует в себе иррациональное, волевое начало, «дионисийское», оргиастическое стремление к высвобождению жизненных инстинктов (ср.: «я возношу мою жизнь в мир верховной воли»⁸). Посредством ее образа объективируется второй этап мировоззренческой эволюции Сологуба, который условно можно обозначить как «ницшеанский»: если первопричина мира иррациональна по своей природе, не поддается никакому рациональному и этическому толкованию и жизнь — это вечный круговорот, где нет разделения явлений на добро и зло, тогда смысл жизни в том, чтобы сознавать и себя частью

⁶ Там же.

⁷ Религиозная философия Востока была для Сологуба идеологическим источником его апологии квиетизма. По Сологубу, для современного европейского религиозного мировоззрения уже недостаточно только христианского элемента (см. «Жалость и любовь»: Сологуб Ф. Жалость и любовь // Творимая легенда. Кн. 2. М.: Худ. литература, 1991. С. 145—147). Критический пафос Достоевского обращен против религий «с культом небития и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве» (Достоевский Ф. Сон смешного человека // Достоевский Ф. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14: Дневник писателя (1887—1881). СПб.: Наука, 1995. С. 120—138): «смешной человек» «уже год» находился в «медитационном» состоянии (ср.: «Я ведь каждую ночь не сплю до самого рассвета и вот уже этак год. Я просиживаю всю ночь у стола в креслах и ничего не делаю. Книги читаю я только днем. Служу и даже не думаю, а так, какие-то мысли бродят, а я их пускаю на волю. Свечка сгорает в ночь вся»), до тех пор, пока сон о «золотом веке» не «возвестил ему путь к новой жизни» — он становится проповедником христианского учения о богочеловеке и вечности. Надо думать, что Сологуб восстанавливает в правах «подпольный тип» Достоевского (отметим, что и для него самого подпольный герой был постоянным персонажем).

⁸ Сологуб Ф. 1991. Творимая легенда. Кн. 1. [Интернет-ресурс]

этого процесса и признать такое существование единственно разумным: не отвергать, а во всей полноте утверждать то, что предлагает животный инстинкт, и в примирении с ним раствориться в единстве природной жизни. Ортруда должна была пройти весь «пламенный круг» жизненных переживаний («душа, прошедшая весь пламенный круг любви и злобы, страданий и высокого торжества»; «ступень за ступенью к смерти»⁹).

Эти две вышеописанные (по сути противоположные) концепции «живой жизни» Сологуба (у Достоевского «живая жизнь» — это экзистенциальный путь постижения бога, или свободы, что, по его мысли, одно) есть одновременно две интерпретации Сологубом «золотого века», разработанные в духе «эстетического созерцания» Шопенгауэра и «философии жизни» Ницше (основных философских источников трилогии). Сологуб на сюжетном уровне, аллегорически, иллюстрирует свои идеи в романе:

— Триродов проводит для сестер Рутиловых экскурсию по своим сказочным владениям: «Много интересных вещей видели сестры в доме, — предметы искусства и культа, — вещи, говорящие о далеких странах и о веках седой древности. <...> Так много видели сестры, — казалось, прошел целый *век*. На самом деле только два часа. Мы не умеем измерять времен. Иной час — век, иной час — миг, а мы уравнили»¹⁰.

— После насильственного сопротивления разбойному нападению (волевой аспект здесь имеет значение) Елисавета Рутилова (олицетворяющая инстинктивно-волевое начало в первой части трилогии) тяжело приходила в себя: «Темные влачили миги, и среди них упало с вечеряющего неба ясное мгновение. И мгновение стало *веком*, — от рождения до смерти. Утром на другой день Елисавете ясно вспомнилось течение этой странной и яркой жизни — высокий, скорбный путь, жизнь королевы Ортруды»¹¹.

На социально-историческом уровне образ «золотого века» у Сологуба (так же и у Достоевского) смыкается с идеалами социалистического учения. Если Достоевский не идет против главной идеи социализма, то Сологуб, отвергая концепцию общественного идеала, не идет против самого духа социалистического учения¹². На эмоцио-

⁹ Сологуб Ф. 1991. Творимая легенда. Кн. 1. [Интернет-ресурс]

¹⁰ Сологуб Ф. 1992. Капли крови [Интернет-ресурс]

¹¹ Там же.

¹² «Кажется, в их идеях <идеях социализма — А. III.> есть что-то гуманное, — говорил Сологуб Надежде Тэффи во время октябрьской революции. — Но нельзя жить с ними, все-таки нельзя!» (Тэффи Н. Федор Сологуб // Сологуб Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6: Заключительница змей. М.: НПК Интелвак, 2002. С. 457—484). Достоевский, критикуя по-

нальном уровне герои романа сочувствуют общему утопическому пафосу социалистических лозунгов. Ортруда и Триродов (а также их сюжетные двойники) мечтают о «всеобщем благе» человеческого рода, культивируют в себе это состояние надежды, мечтательности («влюбленность <Триродова>, в мечту», «Елисавета, влюбленная в мечту освобождения», «мечта о преобразении жизни»¹³, «сентиментальные мечты <Ортруды> о всеобщем благе», «мечта <Ортруды>, создающая миры и бессильная создать счастье в мире», «социализм силен только до тех пор, пока он остается в области приятных мечтаний и очаровательных переживаний»¹⁴ и т. д.). Отношение Сологуба (так же и Достоевского) к социалистическим идеям было двойственным. Все призывы к созданию модели общественного порядка со справедливым и равноправным положением личности воспринимались Сологубом как утопические, идеалистические иллюзии. С другой стороны, сама надежда, эйфорическая греза о лучшем, идиллическом времени («золотом веке») во многом отвечала его художественно-философской концепции, где «безумное блаженство» в мечте является человеку как спасение от «роковой противоречивости жизни»¹⁵, открывая путь в другую, освещенную творчеством жизнь. Суть его философского пафоса при этом сводится к тому, что такой творческий эскапизм включает в себе также и эсхатологический смысл: апофеоз смерти и в то же время страх перед концом.

Христианский этернализм Достоевского Сологуб критикует с позиции своей философии субъективного идеализма, атеистического экзистенциализма. Проблема «золотого века» занимала Сологуба в продолжение всего периода творчества. Из биографических источников известно о его паническом страхе перед смертью¹⁶, обусловленном в большой степени его богоборческими убеждениями. Вопрос жизненного самоопределения Сологуб пытается разрешить через экзистенциальное постижение ресурсов/возможностей самой

литическую сторону социалистической теории, к ее гуманистической проповеди даже и в поздний период скептицизма относился с иронической симпатией, не говоря уже о том, что идея «всеобщего единения» была вектором всего его творчества.

¹³ Сологуб Ф. 1992. Капли крови [Интернет-ресурс]

¹⁴ Сологуб Ф. 1991. Творимая легенда. Кн. 1. [Интернет-ресурс]

¹⁵ Учение о меонах (греч. *me on* — несуществующее — характеризует устремленность к несуществующему Идеалу, Абсолюту как средству обретения смысла жизни и избавления от страданий), принадлежавшее Н. Минскому (с которым Сологуб был в тесной связи), очевидно, стало для Сологуба своего рода форпостом философско-художественного идеализма, и, можно предположить, явилось своего рода средством против экзистенциального шопенгауэровского пессимизма.

¹⁶ Черношвицова О. Материалы к биографии Федора Сологуба. — Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 240—244.

жизненной данности — «золотой век»; следуя такой философской логике, это скрытая потенция самой жизни (ср. слова Ортруды: «Я не хочу предроканных путей, властолюбие церкви мне противно. Я не хочу воскресения, мне не надо рая. Хочу жить свободно и свободно умереть. Между мной и моим богом не должно быть никакого посредника»¹⁷). О «Творимой легенде» в научной критике принято думать как об «идеологическом выводе» из творчества писателя, которое, без преувеличения, надо считать достоевскоцентричным (см.: «любимый им Достоевский»¹⁸), «особенно близок Сологубу Достоевский»¹⁹, «наиболее существенны для него связи с Достоевским»²⁰).

¹⁷ Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн. 1. [Интернет-ресурс]

¹⁸ Гарин И. Северный сфинкс // Серебряный век: в 3 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1999. С. 215.

¹⁹ Клинг О. О романах двух поэтов // Сологуб Ф. Мелкий бес. Белый А. Петербург: Романы. Ставрополь: Книжное издательство, 1988. С. 7.

²⁰ Павлова М. Между светом и тенью // Сологуб Ф. Тяжелые сны: Роман; Рассказы. Л.: Художественная литература, 1990. С. 215.